

Данков Михаил Юрьевич
научный сотрудник Национального музея Республики Карелия,
Действительный член Русского географического общества,
член «Ассоциации работников музеев России» (СПб)
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, 185035, пл. Ленина, д. 1
Бюджетное учреждение Национальный музей Республики Карелия.
р.т./fax (814 2) 78 02 40; м.т. +7 9114135978
E-mail: dankov@sampo.ru; mdankov@inbox.ru

«ГОРНОЗАВОДСКОЙ ФЕНОМЕН ЗАОНЕЖЬЯ»

(Датские промышленники в южной Карелии на рубеже XVII-XVIII вв.)

В XVII столетии представители славной «гамбургской» семьи Марселисов и удачливый коммерсант Генрих Бутенант перебрались на восток и оказались напрямую связаны с историческими загадками начальной металлургии Олонецкого уезда. Купеческий род Марселисов ведет отсчет от старшего Гавриэля (Marselis Gavril), который в «туманной» Московии на протяжении 30 лет вел торговые операции, связывая северогерманские города и Россию. Однако наиболее колоритной фигурой стал его сын Питер Гаврилович Марселис (Marselis Pyotr Gavrilovich), личность во многом легендарная, который родился в 1602 г. в Роттердаме, но через год, перебрался с родителями в Гамбург. С 1629 г. молодой предприниматель закрепился в коммерческой элите России, и на протяжении десятилетий успешно реализовывал «супер» прибыльные проекты. Имея на руках арендный договор 1655 г. с русским патриархом Никоном, верткий коммерсант, через торговый дом «Де Вогелари & Г. Э. Кленк» владел рыбной монополией в Белом и Баренцевом морях. Попутно в Архангельске Питер Марселис, «на корню» скупал и продавал в Нидерландских штатах корабельный лес. Проект получил название «Контракт о мачтах из Московии».

Однако именно П. Г. Марселис, пожалуй, первый из иностранцев оценил беспроигрышный вариант вкладывания «живых денег» в развитие горной металлургии, в поиск новых месторождений, и строительство железодельных заводов. До прихода на ранее «незаселенные» земли Заонежья, предприниматель в 30-40 гг. XVII столетия умело манипулировал кредитом, и талантливо играл на финансовых затруднениях голландцев Абрахама и Андриаса Виниусов. Благодаря правительственной ссуде он вместе с Ф. Акемой начал металлургическое дело под Тулой. Заметим, А. Д. Виниус, не только построил первую домну в России, но владел многими водо-действующими железодельными заводами и имел исключительный договор на литье пушек в Тульском регионе.

Осознав выгоды горнозаводской мануфактуры, П. Марселис вскоре получил право в течение 20 лет строить и эксплуатировать оружейные заводы на рр. Ваге, Костроме и Шексне. С 1648 г. «в Тульском и в Каширском и в Ярославском и в иных уездах» коммерсант с Акемой, но уже без Виниуса «своими деньгами» владел «теми заводами вполне». Встав «на крыло» Марселис постоянно расширял свою оружейную империю. Это время «фарта» заводчика, получившего в аренду на пятнадцать лет от И.Д. Милославского, чугунолитейный завод на р. Протве. Тогда же в 16 км. от Тулы зародился «Каширский металлургический комплекс». Однако за взлетом неминуемо следует падение. Несмотря на дружественные контакты Марселиса с «ближними боярами» и благоволение монарха, его железные заводы за некие, очевидно уголовные «вины», были «отписаны на государя». Приведем часть текста фискального решения: «И во 170 (1662 г.- М. Д.) по указу же блаженные памяти Великого Государя тех всех железных заводов Петрова половина Марселиса за ево Петрову вину отписана была на него Великого Государя, а другую половину велено владеть товарищу ево Филимону Акеме попрежнему». По существу государство конфисковало имущество удачливого металлурга. Между тем, на этом коммерческий успех иностранца не завершился.

Через десятилетие «гамбургинин» превращается в родоначальника оружейной индустрии Карелии.

Ретроспективный взгляд на биографические причуды П.Г. Марселиса, позволяет утвердиться в мысли, что приход «на Олонец», с идеей сотворить «металлургический рай» на краю света, не родился спонтанно, он имел свою логику и предысторию.

Дикие и малонаселенные погосты Олонецкого уезда попали в поле зрения «голштинца» в конце 60-х гг. XVII столетия. Владея навыком опытного менеджера и предчувствуя экономическую удачу, он в 1669 г. от Алексея Михайловича получает привилегию на разработку в Обонежье железной и медной руды. Несмотря на удаленность территории и отсутствие дорог из метрополии, Марселис безусловно понимал ценность карельского железа на континентальных ярмарках. Поставка металла вызывалась нуждой Московского правительства в хорошем железе, к тому же доморощенный уклад пользовался славой на Северной Двине и в «Городе». Еще до Питера Марселиса крестьяне, «лозоискатели» активно привлекались к поиску руды в Заонежье. После указа 1666 г. «для сыску медной руды» в «Толвуйский и Шунский» погост Олонецкого уезда, под началом новгородца Семена Гаврилова, направилась первая поисковая партия, в которую вошли иноземные пионеры, «датцкий» плавильщик Денис Юрыш (Иорис) и швед, доктор Николае Андерсон.

С. Гаврилов получил ссуду 260 рублей в зачет жалованья, и существенный «доварок» на возможное обустройство будущего заводика на Спиридоновском ручье в Фоймогубской волости. Первопроходцы использовали деньги Олонецкой приказной избы, таможни Повенецкого рядка, а также «кабацкие» прибыли. Но Гаврилов даже не приступил к плавке меди на западном берегу Онежского озера. Через три года, якобы из-за «бедности» руды и удаленности производства, концессия закрылась. Так в 1669 г. право на разработку медных месторождений перешло маститому дельцу П. Г. Марселису. Сегодня трудно говорить, какой метал в глухих «суземках» Карелии мечтал добывать человек с «гамбургской хваткой». Скорее всего, речь идет о разработке железорудных месторождений. Однако наступившая старость, подорванное здоровье, политические интриги, не позволили, даже приступить к поиску руды в Фоймогубской волости. В 1672 г. Петр Марселис умирает в Москве. Единственными наследниками железоделательных мануфактур, в том числе в Заонежье, становятся его сводные сыновья Петр Петрович Марселис (старший) от брака с Д. Барнесли и Петр Петрович Марселис (младший), матерью которого была А. Акема.

Карельской металлургией взялся управлять более искушенный в экономических делах старший Петр Марселис. Его биография, впрочем, как и жизнь Петра Марселиса младшего, для исследователей является загадкой, и часто приводит к конфузам. До настоящего времени неизвестны место и время рождения братьев. Скорее всего, Петр Марселис ст., родился сразу же, после первой женитьбы отца в 1636 г., в московской усадьбе «на Поганом пруду». Однако существуют сведения, что он приехал в Россию из Копенгагена. Якобы он, в чине морского капитана датского королевского флота, вместе с супругой Марией, урожденной Беккер фон Дельден, оказался в Московии в год получения его отцом жалованной грамоты на разработку месторождений у Онежского озера.

Считается, что во время аудиенции с Алексеем Михайловичем, иноземец передал рекомендательное письмо датского короля, и это способствовало получению в 1674 г., жалованной грамоты подтверждающей право П. П. Марселиса ст. проводить работы в удаленном уголке Олонецкого уезда. Государь повелевал: «медные и другие руды приискивать и сыскав заводы заводить и тое руду плавить и ковать своими деньгами...и наемными людьми». Компаньоном П. Марселиса стал голландский предприниматель Еремей ван дер Гатен (Еремей фон дер Гартнер или Хармен фан дер Гатен). Однако «худый успех в добывании медной руды» и богатство железной руды обнаруженной в 1674 г. заставили «с помощью мастеров с Каширских заводов» организовать в тех местах «железные и укладные заводы». Тем временем российский век П. П. Марселиса ст. оказался непозволительно

коротким. Не успев обжиться и приступить к выпуску олоненецкого чугуна, он в 1675 г., «при своей крайней болезни» скончался.

С этого времени рудокопные дела «клана Марселисов» в Олонецком крае переходят в руки «датского фактора» Генриха Бутенанта фон Розенбуша (Butenant von de Rosenbusch). Хотя по завещанию, владельцем горнорудного проекта являлся Крестьян (Христиан - М.Д.), малолетний сын старшего П. П. Марселиса, но реально, по жалованной грамоте 1677 г., делами распоряжаться его опекун Г. Бутенант, а до 1678 г. Ван дер Гатен.

В этом смысле, биография Бутенанта, металлурга и негоцианта сегодня волнует не в меньшей степени, чем жизнь Марселисов. До сих пор судьба иноземца завораживает запутанной коллизией и чередой драматических эпизодов. Упомянем лишь один, когда в июле 1702 г. «датский комиссар» Бутенант, хозяин четырех металлургических заводов в Заонежье, по государеву «наказу» снабдил войска Петра Великого двенадцатифунтовыми пушками и артиллерийскими «припасами». «Олонецкие» орудия, сработанные в течение полгода, скорее всего, влились в обоз армии, преодолевшей легендарную «Осудареву дорогу» и вскоре способствовали викториям у Нотебурга и Ниеншанца. Однако по малопонятным причинам задание поставило точку в «лихой» судьбе промышленника. Имя талантливого металлурга, создавшего в Обонежье железоделательную базу, в год основания Петербурха, почему-то навсегда исчезает с исторического небосклона. Невероятным образом, кремлевский истеблишмент, отторгнув, из своей среды удачливого металлурга, а сами заводы прекратили свое существование.

Думается, что привязанность к заповедной Карелии у «голштинца» зародилась, когда он, проворачивая сделки «Архангельского города» с Гамбургом и Бременом познакомился с «заонежским железом». На олонечской земле издавна водились «лопские заводцы» следы, которых «ямы и насыпи», сохранялись до XX столетия. Крестьянские мастера плавил руду в «так называемых сырорудных горнах». По наследству передавались секреты превращения «крицы» в «карельский уклад», железо, по качеству близкое к образцам современной стали. «Гамбуржинин» по достоинству оценивал масштаб монастырского солеварения и осознавал потребность поморских усолей в «укладе». В Обонежье Бутенант рьяно взялся за дело и отстроил два железоделательных завода. Первый располагался в Кижском погосте, на Усть-реке, впадающей в Онежское озеро и назывался Устьрецким, второй Фоймогубский возник на Спиловском ручье «в урочище» между Ковшезером и Путкозером. После кончины В. Гатена в 1678 г., хваткий Бутенант и юный Марселис получили от царя Федора Алексеевича грамоту, с правом владения мануфактурой. Через год датский король Христиан V назначает заводчика «комиссаром», а в 1688 г., вручает дворянский титул, и дарует приставку к имени «Бутенант фон Розенбуш». Новая царская грамота 1685 г. продлевает на 10 лет «владение сими заводами» и дает право на завод, возведенный «в Шунгском погосте». Отметим, что в российскую жизнь одновременно был вовлечен его сын, имеющий, как отец, имя, Андрей Бутенант фон Розенбуш. Как и в истории с тремя Питерами Марселисами, этот факт в исследовательской литературе, до сих пор порождает несуразицу и путаницу. Младший А. Бутенант, как и отец при дворе занимал видную нишу. Князь Б.И. Куракин отмечал: «А для езерцицей на шпагах и лошадях», царь Петр регулярно в качестве учителя привлекал «датчанина, сына Андрея Бутенанта». Однако мы не можем подтвердить участие молодого Бутенанта в фоймогубских делах отца. В начале XVIII в. его имя, также исчезает из реляций, корреспонденций и жалованных грамот.

Что касается первых горнозаводских мануфактур в Карелии, отметим, они были молотовыми, ведь плавка железа началась позже, с начала 80-х гг. XVII столетия. Подтверждение находим в жалованной грамоте 1696 г. Петра Алексеевича А. Бутенанту: «а урочные годы считать велено со 189 году (с 1681 г. – М. Д.) генваря с 25 числа, как у них о том заводе челобитье началось, быть и железо из руд плавить начато». С этой поры заонежское железо производится в промышленных объемах. Царская грамота уточняет географию производства: «и заводу для того железного и укладного дела завели и построили

в Фоймогубской волости меж Ковш Пудко озер на Спиридоновском ручье, да в Кижском погосте подле Онеги озера, на Усть речки».

Строители под руководством «гамбургинина» возводили плотины, кузни, хозяйственные «анбары», чуть позже отстроили большую и малую плавильные печи. Бутенант, вероятно впервые в нашем крае употребил название должности «мастер-металлург», с его «легкой» руки, задолго до царя Петра, стали прививаться западные горнозаводские технологии, развиваться обучение тутошных крестьян передовым приемам работы. Безусловно, поддержку ему оказывали сметливые от природы рудознатцы, талантливые кузнецы, и «угольные мастера». Уже в 1683 г. укладные железные заводы Бутенанта-Марселеса поставили в Архангельск «6449 пуд. 25 гривенок» железа или уклада. Из них 3488 пудов 25 гривенок продано и отправлено «за море». Очень быстро заводы значительно увеличили производительность: «Да к нынешнему ко 193 году (1685 г. – М. Д.) изготовлено 6903 пуда 5 гривенок». Помимо продажи «железных полос» через Архангельск в Европу, администрация осваивала округу и Поморье, поставляла железо на континентальные ярмарки, в том числе в Тихвин и Белозерск. Значительный объем железа попадал в торговые ряды Великого Новгорода и Старой Руссы. К началу 80-х гг. XVII в. горные фабрики датчанина, с успехом снабжали рынок «полицами железа дощатого».

После кончины в 1690 г. «Крестьянко» Марселеса, по экономической причине закрылся «заводишко» у Верхозера на Устьматке, недалеко от Устьрецкого завода. Однако Бутенант строит две новых водо-действующих мануфактуры. Это Лижемский молотовый завод на р. Лижма, впадающей в Чорга-губу Онежского озера, а вскоре еще один, Кедрозерский молотовый завод. Новое железоделательное производство было «велено ведать в Новгородском, а с 1700 г. в Посольском приказе». Андрей Бутенант превратился во всесильного хозяина карельской металлургической империи. До середины 90-х гг. XVII в. наемный труд крестьян являлся основной формой производства. В 1694 г., из-за дефицита рабочей силы, к «заводишкам» Бутенанта по «наказу» отписали черносошных крестьян Кижского погоста. Эта акция внешнеэкономического принуждения, считается показательной в Карелии. Силовая приписка «тутошних» жителей, определенно закрепляла феодальные формы труда и означала выполнение «всякой» работы «на железных ево заводах». Помимо личной зависимости «мастеровые» добывали железную руду, ломали известь, выжигали древесный уголь, рубили дрова. За это, датчанин гарантировал Москве оплату крестьянских податей и налогов. И все же социальная напряженность, географическая удаленность от метрополии, отсутствие транспортных коммуникаций и тяжелые условия труда, не могли «заглушить» производство Андрея Бутенанта. Технология плавки «железа всякого», совершенствовалась. Крестьяне, с навыками «где уклад промышляют», осваивали выпуск конкурентного металла и «штук» для «марсовых потех» государя. Потенциал заводов, по мнению некоторых исследователей, в это время достигал 22,6 % металлургической промышленности страны. К тому же продукция частных фоймогубских заводов имела высокую репутацию на Западе. Конкурентоспособность металла подтверждал командующий Балтийским флотом, вице-адмирал К. Крюйс.

Заводская инфраструктура, обученный персонал, система комплектования «горных мастеров», правительственные заказы, создавали ощущение стабильности производства. Однако развитие металлургии в Заонежье в начале XVIII в. неожиданно прервалось. Производство А. Бутенанта немотивированно было «отписано» на администрацию Олонецкого горного округа. А.Д. Меншиков в депеше от 14 июля 1703 г. парадоксально указал коменданту И.Я. Яковлеву: «Известую тебя, что которые в Олонецком уезде железные заводы за Андреем Бутенантом были, те заводы со всеми к ним принадлежностями и строением и с крестьяны велено ведать к новозаеванным крепостям к Шлиссельбургу и Шлотбургу». 27 июля «губернатор Шлютенбурха» вновь демонстрирует неограниченную власть. В корреспонденции царю, он печется о запрете отправлять на рынок уже готовую продукцию заводов «в посторонние дела...без указа». В производственном режиме до 1720

г. чудом удержался лишь Устьрецкий завод, один из четырех созданных Бутенантом в Фоймогубской волости.

Чем можно объяснить «произвол» в Заонежье? Историки, часто несправедливо ссылаются на туманную формулировку, о передаче заводов в казну, потому что Бутенант, якобы не выполнил заказа правительства. Такая оценка, по меньшей мере, представляется неточной. Очевидно, что помимо экономических причин, существовали иные основания для первой в истории России «рейдерского» захвата. Прислушаемся к мнению датского дипломата Ю. Юля. С нескрываемой симпатией к Бутенанту, посол сообщает: «Boutenant de Rosenbusk...стал жертвой жесткого насилия». Имея царские привилегии, он основал «на собственный счет, с большими затратами, два завода чугунный и медный». Однако «алчный князь Меншиков решил завладеть ими», так как у «Розенбуска не хватало средств на их содержание». Тогда же Меншиков отказался «уплатить бедному Бутенанту...те 20 000 рублей за поставки с заводов», в итоге «Розенбуск» не получил «ни заводов, ни денег» и «умер в бедности, удрученный горем». Так, по мнению дипломата, завершилась жизнь соотечественника на чужбине, который оказался без денег и без политической благосклонности.

Передача заводов престарелого А. Бутенанта в «государеву казну» действительно, была инициирована влиятельным Ингерманландским генерал-губернатором. Взгляд подтверждает Г. Грунд, полномочный посол датского короля Фредерика IV, а также записки интернированного шведа Л. Ю. Эренмальма. Одновременно отметим, в петровскую эпоху изменилась роль частных металлургических заводов в России. Разгорающаяся война со шведским королевством требовала скорой и качественной продукции. И все-таки, указ царя Петра от декабря 1701 г. обязал заводы Бутенанта поставить «ко двору» в марте 1702 г. важные армейские «припасы». Новгородский генерал-губернатор «Иаков сын Брюс», на основании «доношений» А. Бутенанта, сообщал, «фоймогубские» заводы в июле 1702 г. изготовили 100 орудий двенадцатифунтового калибра, 75590 ядер этого же калибра, 5160 ядер 10-ти фунтовых и 1244 бомб 4-х пудовых. Дополнительно датчанин отлил более 2039 пудов пруткового железа, 200 ломов большой руки, 99 ломов малой руки, 100 ломов средней руки, а также 2288 лопаток железных. Учитывая напряженную обстановку Северной войны (1700-1721), допустимо сделать еще один вывод. Видимо А.И. Бутенант оказался причастным к акции национального масштаба. Похоже, артиллерия, влилась в армейский обоз «Осударевой дороги» и сыграла существенную роль в атаке шведских цитаделей Нотебург и Ниеншанц. Тем самым олонецкие пушки, отлитые по датской технологии, помогли России прорваться к берегам Балтики и основать имперскую столицу. В то же время, отправка «пушечной посылки» в войска, до конца не ясна и требует свежих источников. Скорее всего, для транспортировки «припасов» в Ижорию, использовались плоскодонные барки с перегрузом пушек в истоке р. Свирь на «обозные корабли» монарха. Известно, к августу 1702 г., строитель «Осударевой дороги» сержант М.И. Щепотев «со товарищи» собрал и подтянул к Повенцу в Онежском озере, более 85 судов.

Завершая исследование, можно подтвердить, в Заонежье, стараниями Марселиса и Бутенанта на переломе XVII-XVIII вв. стала формироваться новая коммуникационная инфраструктура, промышленная среда с оригинальным для Севера типом рабочего посада. Частные железоделательные заводы «датчан» превратились в экономическое чудо, сыграв весомую роль в успехах отечественного оружия. Недостаточная изученность темы, позволяет высказать мысль о целесообразности проведения археологических работ в зоне исторических промышленных объектов. Результаты инструментального поиска, могут существенно расширить представления о полузабытых «чугунных» мануфактурах. Изучение культурного слоя раннепетровского времени, должно сформировать новый «архив исторической памяти», чтобы расширить потенциал малоизвестного памятника. Не исключается создание экспозиции под «открытым небом», музеефикация объектов и обустройство туристического маршрута.